

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В14

Серия «Звезды спорта»

Серийное оформление: *Юлия Межова*
Фотография на обложке: *Григорий Сысоев*

Вайцеховская, Елена Сергеевна

В14 Фигурное катание. Стальные девочки / Елена Вайцеховская. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 284, [2] с. (Звезды спорта).

ISBN 978-5-17-121797-6

Спорт – это, возможно, самая беспощадная игра, в какую когда-либо играло человечество. Хотите больше узнать о его жестокости? Добро пожаловать в самый трепетный и кружевной его вид — женское одиночное катание. Олимпийская чемпионка и спортивный журналист с тридцатилетним стажем Елена Вайцеховская рассказывает о наиболее ярких фигуристках последнего десятилетия, о цене, которую приходится платить за успех, и о том, почему ослепительно яркие карьеры оказываются самыми недолговечными.

© Елена Вайцеховская, текст, 2020

© Григорий Сысоев / РИА Новости, фото, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Посвящается Валентину Николаеву —
удивительному специалисту, благодаря
которому я сумела узнать фигурное
катание, полюбить его и понять,
что победа — это не обязательно главное,
а поражение не обязательно трагедия.
А кроме того, сумела совершенно другими
глазами взглянуть на фигуру тренера —
человека, от которого в момент
выступления его спортсменов,
казалось бы, ничего не зависит,
хотя на самом деле зависит все...*

Глава 1

ОСТОРОЖНО, ЖЕНЩИНЫ!

Или ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В последних числах декабря 2019 года я летела в Красноярск на чемпионат России по фигурному катанию, где впервые за много лет мне не нужно было работать. Этому предшествовали два года, проведенные в должности штатного обозревателя в редакции «Р-Спорт» — спортивном подразделении международного информационного агентства «Россия сегодня». Небольшой по жизненным понятиям срок вместил в себя зимнюю Олимпиаду в Пхенчхане, домашний футбольный чемпионат мира и еще пяток различных мировых первенств. Бонусом шла престижная и жутко денежная премия наиболее пафосного в стране конкурса «Спортивный Парнас» и... увольнение в никуда за недостаточную комплиментарность во взглядах на фигурное катание — именно в такой формулировке до меня неофициально, но сразу из нескольких источников была доведена точка зрения одного из высоких руководителей Агентства, чья шестая или седьмая по счету супруга оказалась рьяной фанаткой этого вида спорта.

Заявление мне подписали аккурат в день тридцатилетия моей журналистской работы: первыми соревнованиями, на которых мне довелось работать в

официальном статусе, был чемпионат СССР 1989 года по фигурному катанию, который сейчас я толком, наверное, и не вспомню.

На недоуменные вопросы друзей и знакомых, какого черта я в статусе безработной вообще потащи-лась под Новый год в Красноярск, заплатив за билет сумму, достаточную для того, чтобы минимум дважды слетать в Вену, Париж или еще десяток европейских столиц, отвечала: «Составить компанию мужу».

Это было абсолютной правдой. На протяжении двух с лишним десятков лет мы с мужем, спортивным фотографом, фактически никогда не ездили в командировки и отпуска друг без друга, и перспектива остаться под Новый год в одиночестве ввергала нас в уныние. Ну и какое значение в этом случае имела цена на авиабилет?

Запоздалые мысли о том, что, наверное, все-таки не следовало ехать на соревнования без перспективы на них работать, в первый же день чемпионата были развеяны. В пресс-центре я оказалась за одним столом с пожилым японским коллегой — журналистом телевизионного концерна «Асахи», приехавшим в Красноярск ради Алины Загитовой: телекомпания собиралась снимать фильм о том, как невероятно любимая японцами фигуристка, выигравшая за полтора года взрослых выступлений все существующие в фигурном катании титулы, будет сражаться с тройкой совсем юных учениц своего же тренера — Этери Тутберидзе. Под этот проект японскому коллеге заранее были сделаны визы, куплены билеты, оплачено жилье и добыты все необходимые разрешения и аккредитации.

Не учли японцы лишь того, что за две недели до чемпионата страны олимпийская чемпионка официально объявит о том, что временно приостанавливает свою спортивную карьеру и в Красноярск не приедет.

Без Загитовой японец грустил. И был, как мне показалось, даже благодарен за то, что периодически я развлекала его разговорами об Алине.

Когда-то я точно так же расспрашивала другого японского журналиста о Мао Асаде.

В декабре 2005-го 15-летняя фигуристка ворвалась во взрослый мир фигурного катания столь же нахально, как это сделала Загитова в декабре 2017-го.

Просто Асаде тогда повезло меньше: 15 лет ей исполнилось после 1 июля 2005 года, и это означало, что японка не сможет принять участия в зимних Олимпийских играх—2006 в силу возрастного лимита, установленного ISU — Международным союзом конькобежцев. Добиться для юной фигуристки персонального разрешения ISU на выступление в Турине у спортивного руководства Страны восходящего солнца не получилось, хотя, по слухам, в ход была пущена очень тяжелая как спортивная, так и спонсорская артиллерия. Вот и получилось, что самым ярким впечатлением того сезона для многих болельщиков осталась не Олимпиада, а финал Гран-при, в котором юная Асада с упоением сыграла свою первую взрослую победную роль.

Много лет спустя, когда уже близилась к завершению карьера Мао в статусе четырехкратной победительницы финалов Гран-при, трехкратной чемпионки мира, вице-чемпионки Игр-2010 в Ванкувере и главной неудачницы Олимпиады в Сочи— в 2014-м, я спросила приятельницу, прекрасно знакомую с культурой, обычаями и языком Страны восходящего солнца, почему именно эту фигуристку в Японии любят так, как никогда не любили никакую другую. И услышала в ответ:

— Для японцев Асада — символ женщины эпохи Хэйан, просвещенного самурайства: маленькая, с идеальной по японским меркам фигурой, с правильными классическими чертами лица, кроткая, но в то же время очень сильная, умеющая за себя постоять. На льду

Асада своими движениями, мимикой, пластикой способна выразить чувства, близкие каждому человеку. При этом она недосыгаема. Женщина-махаон...

— Подождите, но как же в эту картину абсолютно совершенства вписываются откровенные неудачи Асады в виде проигранных турниров, ее технические недостатки, недокруты, падения? — переспросила я собеседницу.

— Так же, как они вписываются в картину несовершенства живого человека, стремящегося к достижению идеала,— последовал терпеливый ответ.— Это тоже в духе японской ментальности — стараться вновь и вновь преодолеть препятствие независимо от того, считают окружающие это реальным или нет...

Разговаривая с коллегой из «Асахи» в Красноярске, я не преминула воспроизвести ему тот давний разговор.

— Вам дали очень правильное объяснение,— вежливо закивал японец. И внезапно прямо на бумажной салфетке, которую он выдернул из-под картонного стаканчика с кофе, стал вычерчивать синусоиду. Начертив, ткнул пальцем в нижнюю точку кривой линии.

— Смотрите: настоящая сила Асады всегда заключалась в том, что, даже показывая минимальные результаты, она оставалась недосыгаемой для тех, кто в Японии шел за ней следом. Хотя должен признать: в нашей стране никогда не было такого количества талантливых девочек, как сейчас у вас, в России. С ними, похоже, не выдержала конкуренции даже Алина. Хотя лично мне очень жаль. Дело в том, что мы, японцы, ставим превыше всего не тот момент, когда спортсмен стоит на пьедестале, а тот, когда он вот отсюда (с этими словами японец снова ткнул в нижний изгиб синусоиды пальцем) начинает выбираться наверх, преодолевая себя. Потому что именно тогда становится по-настоящему понятно, чего человек стоит.

— А что вообще говорят у вас в стране по поводу того, что происходит в российском одиночном катании? — поинтересовалась я скорее для того, чтобы не дать угаснуть беседе, и готовясь услышать традиционный для японской публики обтекаемый и щедро расцвеченный превосходными эпитетами ответ.

Собеседник отреагировал иначе. Он повернулся к сидящей рядом переводчице и, перейдя на японский, торопливо о чем-то заговорил, время от времени и явно со смыслом постукивая ногтем по пустому картонному стаканчику из-под кофе. Женщина с пониманием кивала, делая какие-то пометки в рабочем блокноте. Потом обратилась ко мне.

— Он не хочет в разговоре с вами произносить то слово, которым полны все японские форумы о фигурном катании. Его очень сильно расстраивает, что о фигурном катании вообще стали так говорить. Но еще сильнее его расстраивает то, что это слово становится все более и более популярным.

— И что же это за слово? — по-русски поинтересовалась я.

Переводчица покосилась на японца и вполголоса по-русски сказала:

— Одноразовые...

* * *

По сути, мой японский визави всего лишь озвучил то, о чем не первый год говорилось за кулисами всех мало-мальски значимых турниров по фигурному катанию в адрес российских одиночниц. А точнее — в адрес одного-единственного тренера — Этери Тутберидзе, ворвавшейся в элиту мирового тренерского цеха столь же стремительно, как все ее подопечные, начиная с Юлии Липницкой, врывались в элиту женского одиночного катания.

Взрослый век Юлии, «золотой девочки Сочи», получившей на своих первых и единственных Играх медаль высшей пробы за участие в командном турнире, начался осенью 2013-го и закончился в 2015-м. Карьера двукратной чемпионки мира и наиболее вероятной претендентки на олимпийское золото Пхенчхана Жени Медведевой уложилась в два года и четыре месяца.

Когда в 2016-м Женя Медведева выиграла взрослый финал Гран-при, а затем одержала свою первую победу на чемпионате Европы, я написала в одном из репортажей:

«Думаю, что не ошибусь, если скажу, что главная цель проекта „Медведева“ заключается отнюдь не в долгой и красивой карьере. А всего лишь в том, чтобы выиграть в этом сезоне вслед за финалом Гран-при и чемпионатом Европы еще и мировое первенство. Если так, то в контексте этой задачи вообще не важно, что будет со спортсменкой дальше. Потому что, даже если Женя сумеет относительно безболезненно преодолеть проблемы роста, она непременно угодит в капкан — по совершенно объективным причинам потеряет способность бороться с очередной чудомалышкой, которая (что совершенно не исключено) станет очередным проектом ее собственного тренера...»

Резонанс получился сильным. За эти слова меня публично предала анафеме даже бесконечно уважаемая и любимая мной Татьяна Анатольевна Тарасова. Комментируя чемпионат в прямом эфире, она долго и театрально сокрушалась, что журналист, который сам был спортсменом и выигрывал олимпийское золото, может оказаться столь жестоким и необъективным по отношению к маленькой талантливой девочке.

Три с половиной года спустя саму Тарасову требуют навсегда отстранить от эфира за комментарий по поводу внезапно оборванной карьеры Загитовой: «Жаль, что продолжительность спортивной жизни

олимпийской чемпионки измеряется только тремя программами...»

Эпоха Загитовой действительно оказалась непродолжительной. При этом Алине фантастически повезло: она подобралась к олимпийскому золоту Пхенчхана в свой самый первый взрослый сезон, причем под надежным прикрытием более старшей и гораздо более титулованной Медведевой, то есть не слишком загружая голову ответственностью за результат. Если бы Загитова вышла на свою первую Олимпиаду в статусе лидера, золота у нее могло не случиться, тем более что юная спортсменка, в отличие от своей предшественницы, никогда не отличалась стабильностью. Иначе говоря, 15-летняя девочка ухватила тот единственный счастливый билет, который вообще существовал, и сделала то, чего до нее не удалось ни Липницкой, ни Медведевой.

А осенью 2019-го Загитову сильно потеснили на взрослом льду сразу три спортсменки из группы ее же тренера — Александра Трусова, Анна Щербакова и Алена Косторная, или ТЩК, как немедленно окрестили троицу болельщики.

Трагизм ситуации заключался даже не в том, что молодые соперницы оказались олимпийской чемпионке не по зубам. А в том, что гениальная в плане добычи медалей система, благодаря которой мир и получил Липницкую, Медведеву, Загитову и ТЩК, изначально не предполагала возни со взрослыми спортсменками. Ничего личного, как говорится, просто бизнес, жестоко, но метко охарактеризованный в Красноярске моим случайным соседом по столу.

* * *

Впрочем, бушующие по этому поводу страсти уже не слишком меня волновали: к тому времени я перестала быть штатным журналистом и вообще не плани-

ривала искать новую работу. Как и менять свои взгляды на спорт в угоду потенциальным работодателям, и тем более — их женам.

С другой стороны, благодаря этому увольнению была написана книжка, которую вы сейчас держите в руках. Она прежде всего о женском одиночном катании — самом хрупком и, наверное, самом жестоким виде спорта, таком нежном со стороны. Здесь, как и в других моих книгах о большом спорте, не будет выставочных картинок или приукрашенной действительности. Скорее — это попытка в очередной раз понять, что стоит за ценой того или иного успеха. Почему звезды рождаются столь мучительно, а гаснут порой мгновенно? Почему кого-то забывают сразу, а иных запоминают на десятилетия независимо от того, насколько долгод был их спортивный век? И зачем вообще люди лезут в эту адскую кухню большого спорта, где, по меткому выражению Алексея Мишина, температура внутри даже одной отдельно взятой группы бывает столь высока, что человек теряет способность ее выдерживать, даже близко не подойдя к собственной вершине?

А начать эту книгу я хотела бы с событий десятилетней давности. С истории о том, как меня обворовали в Париже и что из этого вышло.

Глава 2

БРАЙАН ОРСЕР И ЕГО КОМАНДА

Спортивная память — штука короткая. Даже журналисты, привыкшие фиксировать все тщательнее, чем кто-либо другой, редко вспоминают детали уже прошедших событий — все это постепенно обретает довольно размытые очертания. Вот и сейчас не вспомню, в каком именно году мне довелось пережить в Париже одно из самых больших разочарований, обернувшихся в итоге одним из самых оберегаемых мною знакомств.

Разочарование называлось «Отель „Кларет“». Когда-то я разыскала его близ Берси и сразу безоглядно влюбилась. Отель был крошечным, очень уютным, с изысканным, оттенка слоновой кости, английским фарфором за завтраком и свежайшей выпечкой. И с возможностью жить в мансарде, где через узкие проемы окон в комнату заглядывало парижское небо. Мансардные номера выгодно отличались размерами от стандартных гостиничных клетушек: в городе, где по вечерам, за ужином, посетители ресторанов то и дело задевают локтями соседей, дополнительное личное пространство — большая роскошь. «Кларет» предоставлял ее за вполне умеренную плату. То есть безусловно стоил как денег своих постояльцев, так и их любви.

Но именно там меня совершенно бессовестно обворовали.

Случилось это во время моего очередного приезда на парижский этап Гран-при. Вернувшись с катка, я долго писала репортаж, который должна была передать в редакцию утром. Набросала скелет материала, щедро обвесила его фактурой и, уже лежа в кровати, решила, что текст фактически закончен и требует лишь поверхностной редактуры на свежую голову. После чего захлопнула крышку ноутбука и засунула его под кровать, чтобы случайно не наступить, вставая утром на завтрак.

Но утром компьютера под кроватью не оказалось. Портье, к которому я кинулась за помощью, с откровенно скучающим видом выслушал мою историю и отказался вызывать полицию, заявив, что это абсолютно бессмысленно.

— Вы же находились в номере?

— Ну да...

— Тогда чего вы от нас хотите? Мы не несем ответственность за вещи клиента после того, как вручили ему ключ.

Вернувшись в несчастливую мансарду и как следует рассмотрев дверь, я обнаружила интересную деталь: защелка, которая должна была срабатывать автоматически, по какой-то причине стопорилась чуть раньше, оставляя комнату открытой. Кровать на достаточно высоких ножках стояла прямо у двери, соответственно, чтобы заметить лежащий на полу компьютер и вытащить его, не нужно было даже входить внутрь — достаточно было протянуть руку сквозь приоткрытую створку.

Но вот была ли дверная неисправность случайной? В этом меня быстро разубедил французский коллега на катке, объяснив, что, с тех пор как набирать низший обслуживающий персонал во многих парижских отелях стали из числа натурализованных эмигрантов с Востока, кражи в номерах превратились в абсолютную норму. Механизм прост: как только горничная

или сантехник замечают в номерах что-то ценное, они просто сообщают об этом на сторону по цепочке многочисленных родственников. Настолько многочисленных, что концов не найти. Дальнейшее, как говорится, дело техники. И обращаться в полицию — действительно пустая трата времени.

Забирая свои вещи из «Кларета», я точно знала: больше в этом отеле не останюсь никогда. Было слишком обидно...

* * *

В свой следующий приезд на парижский этап я оказалась в «Новотеле». С ним мне на самом деле просто повезло: обычно официальные отели, предназначенные для участников соревнований, не выкладывают в Интернет информацию о доступном бронировании даже в тех случаях, когда свободные номера есть в наличии. «Новотель» представлял собой достаточно безликую сетевую гостиницу средней руки, все преимущество которой заключалось в том, что она вплотную соседствовала с Берси и в ней жили спортсмены и тренеры. С точки зрения работы, сам по себе этот факт вряд ли давал большое преимущество: весь мой прежний опыт общения с российскими фигуристами, да и не только с ними, говорил, скорее, о том, что до начала соревнований, да и в процессе тоже, журналисту лучше вообще лишний раз не попадаться спортивной публике на глаза — не отвлекать.

Примерно с этими мыслями, порядком вымотанная после длинного, с пересадкой, перелета и затянувшегося оформления на стойке регистрации, голодная, всклокоченная и изрядно взмокшая в теплой куртке, которую было невозможно снять по причине отсутствия свободных рук, я втиснулась с чемоданом в лифт и врезалась в Брайана Орсера — своего